

Былое. - 1993 - окт. - с. 5.

Если сегодня с журналом русской эмиграции "Посев" мы знакомы уже не понаслышке, то его материалы не столь давних "запретных" времен многим у нас неведомы. В том числе и любопытная публикация в № 5 за 1979 год сына знаменитого Петра Столыпина — Аркадия. С позволения "Посева", восполняем этот пробел, перепечатывая с некоторыми сокращениями упомянутую публикацию.

Аркадий Столыпин

КТО БЫЛ ПРАВ?

Об одном принципиальном споре между писателем и премьер-министром

Многие проблемы своими противоречиями раздрают сегодняшний мир. Одна из них — политический терроризм и как должны относиться к нему государственная власть и общественность. Другая — проблема владения землей, какой принцип землевладения правильнее и эффективнее. Любопытно, что обе эти проблемы, еще три четверти века назад, всплыли в переписке двух великих людей России — писателя Льва Николаевича Толстого и премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина.

Великий писатель и премьер-министр были лично знакомы много лет и были дальними родственниками. В начале столетия, как раз во время начала аграрной реформы, между ними завязалась политическая переписка.

Но для большей ясности в этом вопросе стоит вернуться еще более чем на полстолетия назад, ко временам Крымской кампании.

В 1855 г. два молодых офицера, Лев Толстой и Аркадий Столыпин (отец премьера), отправляются вместе в Крым, в действующую армию. Толстой мыслит себя не столько в роли воина, сколько в роли военного корреспондента в осажденном Севастополе; наш зародившийся и бурно развивавшийся журнализм интересует его в первую очередь. Столыпин — в первую очередь боевой офицер. Но и он владеет пером. К первым журналистским попыткам своего друга и ровесника Толстой относится с отеческой заботой...

После этого прошло столетие. Толстой выпрямился во весь свой гигантский литературный рост. Но политические его взгляды принимают специфические, порой причудливые очертания. Он за непротавление злу. Арест любого поджигателя или бомбометателя Толстой рассматривает как непоправимое насилие. Частную собственность он считает чем-то предсудительным. Некоторые высказывания его совсем неожиданны. Интимно знавший его кадетский лидер В. Маклаков Толстому начала столетия дает следующую характеристику:

"Мнения о нем политических деятелей быстро разделились: одни стали его порицать, другие — хвалить... Некоторые упрекают его в том, что он способствовал нашей первой революции, некоторые другие его за это же самое хвалят. А сталкиваясь с его главной доктриной "непротавления злу", политические деятели обоих лагерей сходятся в том, что видят в этом парадокс, абсурд, объяснимый лишь временным затмением здравого смысла".

В первые годы XX века Аркадия Столыпина, друга Толстого, уже нет в живых. Но сын его Петр — стоит во главе правительства. И Толстой, знавший его еще ребенком, начинает с ним переписку. В своих воспоминаниях Александра Львовна, дочь великого писателя, дает этой переписке объективную характеристику:

"Взгляды Столыпина и моего отца, — пишет она, — были диаметрально противоположны. Отец ценил принцип общинного владения землей, не допускавший закрепления собственности. Столыпин же вводил в это время в России хуторское единоличное хозяйство, считая, что общинное владение и чересполосица, постоянные переделы и разбросанность клочков земли, находящиеся во временном пользовании, экономически ослабляют крестьян".

В своей книге А. Толстая приводит тексты трех писем. Первое из них, датированное 26-м июля 1907 г., адресовано Толстым премьер-министру Столыпину:

"Пишу вам, Петр Аркадьевич, под влиянием самого доброго, любовного чувства к стоящему на ложной дороге сыну моего друга".

Вам предстоит две дороги: или продолжать ту, начатую Вами деятельность, не только участия, но и руководства в ссылках, каторгах, казнях, и, не достигнув цели, оставить по себе недобрую память, а, главное, повредить своей душе, или, став при этом впереди европейских народов, содействовать уничтожению давней, великой, общей всем народам несправедливости земельной собственности, сделать истинно доброе дело и самым действительным средством — удовлетворением законных желаний народа, успокоить его, прекратив те ужасные злодеяния, которые теперь совершаются как со стороны революционеров, так и правительства.

Лев Толстой.

На это письмо долгое время не было ответа.

Этим был обеспокоен младший брат главы правительства Александр Столыпин, гостивший в Ясной Поляне и бывший в какой-то мере связным.

Наконец, Столыпин отвечает Толстому. Письмо датировано 20-30 октября 1907 г. Датировка указывает, что премьер-министр не написал его в один присест, а тщательно обдумывал. Вот оно:

"Лев Николаевич... Не думайте, что я не обратил внимания на Ваше письмо. Я не мог на него ответить, потому что оно меня слишком задело.

Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие собственности на землю у крестьян создает все наше неустойчивое. Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты и одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обижать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своей землей.

Искусственное в этом отношении оскотление нашего крестьянства, уничтожение в нем врожденного чувства собственности, ведет ко многому дурному и, главное, к бедности. А бедность, по мне, — худшее рабство. И теперь то же крепостное право. За деньги вы можете так же давить людей, как и до освобождения крестьян. Смешно говорить этим людям о свободе или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным. А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, то есть при наличии права собственности на землю...

Впрочем, не мне Вас убеждать. Но я теперь случайно пытаюсь объяснить Вам, почему мне казалось даже бесполезным писать Вам о том, что Вы меня не убедили. Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий — вероятно на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, понимания и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину.

Как же я буду делать не то, что думаю и сознаю добром? А Вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и, главное, греха. Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем.

Сознаю, что все это пишу Вам напрасно — это и было причиной того, что я Вам не отвечал. Простите. Ваш Столыпин".

На это письмо Толстой, в свою очередь, не отвечал 3 месяца. Написал он снова главе правительства в январе 1908 года.

"Петр Аркадьевич... За что, зачем Вы губите себя, продолжая начатую Вами ошибочную деятельность, не могущую привести ни к чему, кроме к ухудшению положения общего и Вашего?"

Смелому, честному, благородному человеку, какому я Вас считаю, свойственно не упорствовать в сделанной ошибке, а сознать ее и направить все силы на исправление ее последствий. Вы сделали две ошибки: первая — начали бороться с насилием и продолжаете это делать, все ухудшая и ухудшая положение; вторая — думали в России успокоить взволновавшееся население, ждущее и желающее только одного — уничтожения права земельной

собственности (столь же возмутительного в наше время, как полстолетия тому назад было право крепостное), успокоить население тем, что, уничтожив общину, образовать мелкую земельную собственность. Ошибка была огромная. Вместо того, чтобы воспользоваться еще живым в народе сознанием незаконности права личной земельной собственности — сознанием, сходящимся с учением об отношении человека к земле самых передовых людей мира, — вместо того, чтобы выставить этот принцип перед народом, Вы думаете успокоить его тем, чтобы завлечь в самое низменное, старое, отжившее понимание отношения человека к земле, которое существует в Европе, к великому сожалению всех мыслящих людей в этой Европе.

Милый Петр Аркадьевич, жизнь не шутка. Живем здесь один раз. Из-за предвзятого мнения нельзя неразумно губить свою жизнь. Обе Ваши ошибки — борьба насилием с насилием и не разрешение, а утверждение земельного насилия — исправляются одной и той же простой, ясной и самой, как ни покажется Вам странным, удобоприменимой мерой: признанием земли равной собственностью всего народа и установлением соответствующего, сравнительно выгодом земель налога, заменяющего подати или часть их. Одна только эта мера может успокоить народ и сделать бессильными все усилия революционеров, опирающихся теперь на народ, и сделать ненужными те ужасные меры насилия, которые теперь употребляются против насильников.

Повторю то, что сказал сначала: все, что пишу для Вас, — желая Вам добра, любя Вас.

Любящий Вас Лев Толстой".

На это письмо премьер-министр не ответил. Очевидно, счел с горечью, что это было бы бесполезно. А как на молчание реагировал Толстой? Создавшаяся ситуация его подзадала. В последующие за перепиской годы он стал чаще, чем ранее, ходить вечером в Москве на квартиры — то ли революционеров, то ли теоретиков-нигилистов из студенческой среды. На все эти похождения Толстого императорской полиции был дан приказ закрывать глаза. Когда однажды у П. Столыпина зашел разговор об этом с государем, последний полностью одобрил такую терпимость. Любимыми книгами Николая II были "Война и мир" и "Казачи". Ему не хотелось, чтобы автору была причинена малейшая неприятность.

Но Толстой на этом не остановился. Однажды он дал знать Столыпину, что намерен и далее "разглашать правду", настаивал, чтобы его за это арестовали... П. Столыпин (как мне об этом не раз рассказывали в семье) заметил на этот счет: "Толстой думает, что я способен на такую глупость. Думает, что я собираюсь сделать из него мученика".

Не добившись реакции премьер-министра, Толстой обращается к правительству с декларацией, озаглавленной "Не могу больше молчать".

Теперь, — заявляет он, — пишут и говорят о казнях, убийствах, бомбометателях, как раньше говорили и писали о хорошей погоде и о дожде.

Школьники — почти дети — экспроприруют чужое имущество и убивают с легким сердцем, как прежде они шли на охоту...

Так жить нельзя, по крайней мере, я не могу и не буду так жить!

Пусть меня посадят в тюрьму, а еще лучше — но

это было бы так чудесно, что я не смею рассчитывать на такое счастье — пусть меня облекут в саван, столкнут со скамьи, с тем чтобы вес моего тела сжал вокруг моей старой шеи намыленную петлю!"

Текст этот опубликован в ряде русских газет, а также в западной печати, где он широко использован недоброжелателями существовавшего в России строя. Как отмечает в своей книге, посвященной жизни Толстого, французский академик русского происхождения Анри Труайя, поток писем, поступавших в Ясную Поляну, принял после появления этого документа грандиозные размеры. Одни поздравляют писателя "за проявленное мужество". Другие корят его "за разрушительную работу"... Однажды по почте приходит посылка. Развернув ее, Толстой обнаруживает ларчик, а в нем веревку толщиной в палец. В посылке записка:

"Граф, вот ответ на Ваш призыв. Вы можете сами осуществить над собою расправу, не докучая по этому поводу правительству. Сделать это не трудно! Этим Вы окажете услугу нашей стране и нашей молодежи". Подпись — "Одна русская мать".

Конфликта у Толстого с государством так и не получилось. Зато получился конфликт с Церковью. Великий писатель отрицал божественную природу Иисуса Христа. Ставил вследствие этого под сомнение святые таинства. Об этом в своей брошюре В. Маклаков пишет:

"Сколько раз мне довелось от него слышать, что если бы он считал Христа Богом, то исчезла бы для него вся притягательная сила Христа. Вот почему Церковь осудила Толстого".

Далее В. Маклаков отмечает:

"Отношения Толстого с государством были иные. Толстой был врагом не определенного государства, но любого государства как такового. Он отрицал все государственные основы, все учреждения, без коих существование государства невозможно. Но эта его позиция наше государство не тревожила... Такова была позиция Толстого к миру сему. И тогда произошло то, что бывало и ранее: Церковь отлучила Толстого, лишила его церковного погребения... Государство же не осудило Толстого, а с почтением преклонилось перед ним".

От редакции "Посева"

Прошло более 70 лет. В нашей стране произошло — вскоре после смерти Л. Толстого и убийства П. Столыпина — грандиозные, катастрофические перемены. Индивидуальный политический терроризм превратился в массовый государственный террор против граждан своей страны. Недолгий период "мелкой земельной собственности" завершился признанием земли "равной собственностью всего народа" — ну, и результаты такой коллективной (фактически — государственной) собственности сегодня у всех перед глазами. В нашей стране результаты спора между Л.Н. Толстым и П.А. Столыпиным приобрели яркий, рельефный, но, увы, негативный характер. Если бы до 1917 г. российское общество, и в первую очередь интеллигенция, не столь терпимо относились к политическому терроризму — из него не смог бы вылупиться и обрести мускулами терроризм партийный, в первую очередь большевистский, терроризм, направленный, в конечном счете, против всего народа. Если бы Столыпинская аграрная реформа, просуществовав дольше, укоренилась прочней в сознании народа, стала бы неоспоримой плотью хозяйственной жизни, — было бы трудней, а может быть, и просто невозможно провести сталинскую разбойничью коллективизацию и "ликвидацию кулаков (читай — трудолюбивых крестьян) как класса"...

Русская литература дала миру много великих имен, имя Л.Н. Толстого — одно из самых блестящих в этом ряду. К сожалению, русская история не дает такого же количества выдающихся государственных деятелей, которые могли мудро и решительно, невзирая на все наскоки, вести страну твердо намеченным путем. И в этом ряду имя П.А. Столыпина — одно из очень немногих...

Толстой Лев Николаевич

10.93. 134

